

Извращенность 2

Местные
сердца

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей
НАСТ

Алексей Николаевич Наст

Извращенность 2.

Жестокие сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31190560

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2425-7

Аннотация

Сергей прилетел в Америку, как компьютерный гений, и попал в тюрьму. Наташка приехала в США, чтобы стать танцовщицей, а угодила в ад! Где же ты, Американская мечта?! В России!... Дальнейшая судьба героев романа "Извращенность". Непредсказуемый сюжет, жесткие криминальные разборки и, конечно, любовь! Там, где мафия, там всегда кровь и любовь! Приключения в США, Мексике и морозной России. Роман составляет дилогию вместе с романом "Извращённость". Содержит нецензурную брань.

Часть первая. Манящий свет мечты.

Паша с воодушевлением задрал голову – небоскрёбы уходили чуть не в космос.

– Мир американской мечты, – восторженно прошептал Паша.

Самуил был скептичен – губы кривила усмешка – восторги Паши его смешили.

– Паша, что это такое – Американская мечта?

Паша вернулся с небес в реальность. Он посмотрел на чуть пьяного, чуть нервного, но самоуверенного босса. Пятьдесят шесть лет, но какой он крутой – мощный, немного полноватый, лицо изъеденное жизнью. Бронтозавр, мамонт, несокрушимый монстр, мужчина в пике зрелости. Он так долго стремился к большим деньгам и поймал их только недавно – пять лет назад – сто восемьдесят миллионов баксов – убийства, наркотики, оружие, работоторговля. Все мыслимые и немыслимые грехи. И вот он в США – король жизни. Приехал повеселиться. И пошалить. Рядом «линкольн», доставивший из аэропорта к самому крутому отелю Лос-Анджелеса. И амбалы охраны (крутые бандиты – все в федеральном розыске ФСБ). И Паша – отморозок.

Это немыслимо! Это Лос-Анджелес! Это Калифорния! Это они – самые отморозенные отморозки из морозной России – приехали проиграть пару миллионов баксов в казино

отдохнуть от своих, и не можешь!

Договорившись с таксистом, покатали в Пасифик-Сити – местечко у самой границы с Мексикой. Там кругом прерии, кактусы, незаконные иммигранты мачо-мексиканцы и, вообще, всё по-американски, как в пыльных голливудских фильмах – битые старые автомобили, доступные белозубые студентки колледжей с силиконовыми сиськами, салуны и боулинги, драки там и всё остальное ... Ящик виски взяли с собой – в пограничной дыре (от Пасифик-Сити до Мексики сорок миль) виски стоило на полдоллара дороже за каждую унцию.

Все хохотали:

–Будем во всём равняться на американцев, будем прижимистыми и экономными!

По настоянию Самуила все переоделись в джинсу. Ехали с открытым верхом – Самуил велел убрать у кабриолета брезентовую крышу. Запылились. Волосы стали дерюгой. Паша, привыкший к комфорту и стерильной чистоте, квазил толстые губы – ему в Америке не нравилось. Он привык каждый вечер мыть свой пенис специальным гелем, обладающим успокаивающим целебным эффектом. Как было приятно возлежать на скрипящих чистотой цветных простынях и ощущать в трусах, что твой пенис тщательно вымыт и сам ты эталон стерильности.

–Брось, Паша, – Самуил, держа сигару всеми пальцами руки, старательно трудил губы, вытягивая из неё вкусней-

ший никотин. Пыхнув дымом (хорошо пыхнул, эффектно) Самуил прищурился. – Пенис – так говорят американцы.

Шофер, услышав слово «пенис», одобрительно оскалился и закивал головой (ни черта не понимал по-русски). Самуил не смотрел на него.

–Русские говорят член... Даю тебе слово, Паша, твой член в той дыре, куда мы едем, скучать не будет! Я тебе куплю таких американских девочек, хоть белых, хоть цветных – за-качаешься!

Паша не поверил:

–У нас в Москве можно всяких американских девушек отыметь, и белых, и цветных! Зачем сюда было ехать? У нас дома круче можно было оторваться.

–Дома! Дома! А тебе ничего не интересно, да? – окрысился Самуил. – Что вы за люди такие?!

–Нормальные люди, – тихо буркнул Паша, но Самуил услышал.

–Заткнись! – сказал он, нажимая голосом. – Сказал, тебе понравится, значит, понравится!

Фамилия у Самуила была Боголов. Отчество – Дармалович. Отец его был бурят – Дармала Боголов. Родился Самуил в пригороде Иркутска. Мать Самуила, красивая чернокудрая еврейка, разродившись с трудом, и поймав сепсис в нестерильном сельском фельдшерском пункте, вырвала клятву у плачущего Дарьки Боголова, что сына он назовёт Самуил. Она покормила младенца всего раз, а после, прижав к себе,

рыдая, умерла от заражения крови.

–Самуил, мальчик мой ...

Самуил ехал сейчас в открытом авто, ветер жег лицо горячим вкусом чужой земли, дым сигары ел глаза. Ему казалось, что он помнил свою мать и эти её слова. Все говорили, что это его фантазия. Не может человек помнить то, что происходило с ним на вторые сутки от рождения. В интернате пацаны над ним смеялись за эту память и часто били. А он точно помнил, что мать плакала, когда его принесли и вручили ей в руки – беспомощную личинку, зародыш человека. Зародыш. Через пятьдесят один год этот зародыш хапнул свой первый миллион баксов. Сейчас, в пятьдесят шесть у него их сто восемьдесят. А жизнь всё равно осталась дерьмом.

Семьи нет.

У него никогда не было семьи. Мать умерла, так и не оправившись от родов. Отец, завхоз какого-то там агрокомплекса, умело воруя, сумел обеспечить сыну воспитание в Ленинградском интернате (понятно, за большие взятки). Тогда, при Советском Союзе, по какой-то там плановой разнарядке, все «коренные народы» Якутии и Дальнего Востока жили в интернатах и поступали, именно, в институты города на Неве, колыбели Ленинской революции... Потому и Самуил оказался в Ленинграде, но отцу приходилось приплачивать, чтобы сына не гнобили... Кстати, отца убили тувинские трактористы. Что-то он им однажды не выдал, какую-то деталь для трактора. Шарахнули в лоб увесистой монтиров-

кой...

Самуил, глубоко вздохнув, качнул головой, сильным щелчком отправил окурок сигары в клубящуюся за машиной дорожную пыль.

Ему всегда было плохо в интернате. Зачем отец держал его далеко от себя? Детство – чёрная полоса жизни. Может быть, будь они вместе, ничего бы с отцом не случилось там, в Иркутске, тогда, сорок шесть лет назад.

Мать-еврейка, отец-бурят. А вырос Самуил русским. У него и в свидетельстве о рождении так значилось: Самуил Дармалович Боголов – русский.

Когда кто-то из русских пытался называть его евреем, он сразу бил ему в лоб увесистым кулаком. Когда кто-то из евреев намекал, что он не еврей, он поступал точно также. Самуил, имея очаровательные бурятские щечки, во всём походил на мать. Был очень красив в молодости. Он и сейчас был очень и очень импозантен. У него было много русских женщин, были хохлушки, сладострастные немки, молдаванки, латышки. Сегодня вечером будут американки.

– Девки из колледжа. Надо снять девок из колледжа вот с такими сиськами, как волейбольные мячи, – сказал Самуил. «Злодеи» на заднем сидении заржали.

Последние десять лет Самуил смотрел американские фильмы про таких вот тугозадых, грудастых девок с упругими, утянутыми животами и мечтал, что отымеет их с десятков. Но в Лос-Анджелесе, недалёко от отеля, таких не попа-

После выступления, в гримёрную зашел управляющий баром и сказал, что надо подставить «малышку» одному русскому пожилому мужику. Даёт хорошие бабки – пятьсот баксов. Из них Наташке – сто пятьдесят.

Это круто. Шлюхи на улице трахались за двадцатку.

Наташка не была шлюхой. Она приехала в Штаты пять лет назад из Панамы. Все эти пять лет ей приходилось путаться с бандитами и владельцами баров, чтобы иметь кусок хлеба и три штуки баксов в месяц. По статистике, среднестатистическая американка до замужества успевает познать сорок девять мужчин. У Наташки было всего сорок шесть. Она не была шлюхой, но русский пожилой мужик платил сто пятьдесят долларов за непродолжительный секс – Наталью Лопес условия Самуила устраивали.

Сношались на втором этаже бара, в специальной комнате для гостей, на специальном топчане.

У Самуила был поистине мамонтовый бивень. Русский был силён, очень тяжёл и очень сладострастен. Он умело мял её накаченные силиконом груди, а массивные золотые перстни на коротких волосатых пальцах, царапали набухшие соски. Это ещё больше возбуждало Наташку. Она стонала от наслаждения по-настоящему.

Но (как она знала по опыту), возраст – есть возраст. Русский быстро устал, вспотел и перешёл на «клубничку». Он поставил Наташку в позу и безжалостно вонзил мастодонта в другое место. Боль пронзила её до самого мозга.

золота, – картаво излагал Сергею менеджер агентства.

Аксёнов подписал контракт, вручил долларовую наличность агенту – все сбережения матери – (Сергей и старший брат Иван росли без отца), и погрузился в мечты – отлёт в США был обещан в течение месяца. Сергея не обманули (всё-таки агентство располагалось в центре города и работало совершенно легально). Его привезли в США, в штат Техас, в город Даллас, поселили в квартире. Местный агент разослал резюме Сергея по компьютерным компаниям и велел ждать, посетовав, что было бы неплохо знать английский язык и иметь американское гражданство, а не рабочую визу с ограниченным сроком пребывания. Через неделю Сергея подобрала одна сомнительная компания, где работали иммигранты из бывшего СССР, в основном евреи.

Белокурая сорокалетняя стерва назначила Сергею собеседование и на нём жестко объяснила, что к чему. Агентство по найму обмануло бедного русского юношу – программисты из России в Штатах никому не нужны. Это правда, а всё остальное – легенды, бытующие в среде русскоговорящих компьютерщиков.

–Русские спесивы, самоуверенны, все считают себя гениями. А нам нужны обычные исполнители. Не надо придумывать свой путь решения задания, пусть и оригинальный – всё уже придумано и рассчитано. Не знаешь – спроси. На работе надо работать, а не сочинять личные программы и вирусы!

Звали стерву Лиз Сорнофф. Она назначила Сергею испы-

тательный срок, а вечером, после работы, подвезла на своём авто домой. Посмеявшись, в каких условиях держали агентства «дурачков» из России, она, тем не менее, осталась ночевать. Хотя и пишут газеты, что в Америке приставания на работе невозможны, Сергей убедился, что в Америке возможно всё. Сергей, пересилив себя, как следует порадовал её своим языком и это решило его судьбу – Лиз Сорнофф, специалист по кадрам, оставила его в компании, тем более, что резюме у парня было отличнейшее, а за компьютером он прямо-таки творил чудеса.

– Тебе надо снять нормальную квартиру и жениться на американке, чтобы получить гражданство, – учила она Сергея. – И вызубри английский. Если хочешь хорошо жить.

Сергею понравилось в Америке – работа, о которой он мечтал, зарплата еженедельно, квартира, машина (купил самую дешёвую уже через месяц после приезда). Правда, приходилось часто пускать в дело язык, ублажая потрёпанную Лиз Сорнофф, и заниматься с ней анальным сексом, чего Сергей терпеть не мог. Это было даже хуже, чем первое удовольствие, которое он ей устраивал. И самое мерзкое во всём этом, было то, что Лиз отказывалась от близости с использованием презерватива, а Сергей знал, что кроме него Лиз шустрила ещё с десятком молодых и не очень сотрудников компании.

«Так и спид не долго подхватить», – вертелось в голове.

Спасла Сергея от Лиз скороспелая женитьба. Бекки Конэл

не походила на писанную красавицу, но она была молода, а родословную вела от первых колонистов. Сергей переселился к жене – она уже десять лет жила в двухкомнатном домике, за который предстояло рассчитываться по кредиту, наверное, и внукам. Потом Сергею устроили американское гражданство по какой-то там поправке к какому-то там закону.

–Всё получилось! – Сергей водрузил американский паспорт в нагрудный карман своей рубашки. Дальше предстояло преуспевание и сладкая жизнь. Иначе и быть не могло – английский он уже знал не плохо и всем встречным и поперечным, улыбаясь, говорил:

–Как дела?

Через полгода его компания влезла в базу данных Техасского Кредитного банка по программе Сергея, и перекачала несколько десятков миллионов баксов в оффшорную зону на экзотических островах. Владельцы-евреи, тихо посмеиваясь, бежали вслед за деньгами.

Сергей сел в тюрьму. На два года.

Все два года он, с великими ухищрениями, спасал свою задницу от свирепых пожилых негров, которые таким способом боролись с белым расовым засильем. По слухам, Сергей знал, что в местах заключения с белыми не церемонились, и уберечься от афроамериканской любви было совсем не просто. Но он был русским, и ухищрялся выкручиваться из самых щекотливых ситуаций. Иногда ему просто везло.

Жена не собиралась терпеть отсутствие мужа целых два года – она объявила Сергею развод и уехала с очкастым библиотекарем в Луизиану.

Униженный и опустошенный, совершенно раздавленный жизнью, Сергей вышел из тюрьмы с тощей кредиткой и клеймом отбывшего заключение преступника – пять лет он не имел права работать в компьютерном бизнесе. Сергей не сомневался, что и по прошествии моратория, ему вряд ли дадут работу у монитора.

У него теперь было два пути – совершить новое преступление и снова сесть, чтобы негры не особенно скучали, и остаться изгоем – работать полотёром, грузчиком, заправщиком, снимать комнатку в грязном многоквартирном доме и топить мысли в дрянном виски.

Купив билет на междугородний автобус, Сергей приехал в Калифорнию. В Лос– Анджелесе его никто не ждал. Проработав два года полотером и мойщиком посуды в одном из дешевых кафе, он снова влез в историю – местным пьяницам он чем-то не понравился. Его избили два раза. Третьего раза он ждать не стал. Так он оказался на пять миль южнее отвратительной дыры у мексиканской границы, именуемой Пасифик-Сити. Именно здесь располагалась последняя, перед границей, заправка. При этой заправке, в дощатом сарае с вывеской «мотель», он поселился. Хозяин заправки, вредный старик, любитель выпить и покурить, пообещал кормить, поить, иногда давать деньги.

–Вижу, парень, ты не в ладах с законом, – назидательно погрозил он пальцем.

–Почему вы так думаете?

–Старика Крэнка не проведешь. Но мне плевать. Если есть закон, кто-то с ним должен быть не в ладах. Здесь мексиканская граница и понятие закон очень расплывчатое. Как мне тебя звать?

–Сэм, – в Америке все звали Сергея Сэм.

–Значит, договорились, Сэм. И учти, если окажешься прохвостом – отправлю за решетку. Шериф Ларкинс мой старый друг. Такой же пьяница, как и я.

И Сергей остался на заправке. Он стал, не то, что рабом – в этой пустынной дыре с пыльными ветрами, жалеющих заправить автомобиль и помыть его, было не много, но жил он не свободно – старик помыкал им и воли не давал. Даже в Пасифик-Сити не отпускал.

Два года Сергей жил тихой жизнью затворника. Он не спился и не заскучал, не превратился в циника – он занимался собой, особенно своим телом – физические упражнения приносили неведомое раньше удовольствие. Он много бегал, качал мускулатуру.

–Не дури, Сэм, Арнольда Шварценеггера из тебя всё равно не выйдет, – пускал остроты пьяный Крэнк.

Когда на заправку заехала пыльная машина и призывно просигналила, на зов вышел высокий красивый, хорошо сложенный парень тридцати лет, в майке и обтягивающих джин-

так, как она жила все эти годы, дальше жить нельзя – она ничего не достигла, отдаваясь ублюдку Антону и его друзьям и, продолжая жить так дальше, ничего не достигнет. Скоро она растратит свои прелести на гангстерских придурков, и они сдадут её в бордель, а дальше наркотики и смерть в тридцать с небольшим. Во-вторых, она думала, что самым разумным было бы прямо сейчас доехать до Мексики и ехать ещё дальше, в саму Мексику, там добраться до курортного побережья и постараться подцепить какого-нибудь богатенького доктора или юриста, и быстро выйти за него замуж...

Наташка улыбнулась. Тот русский пожилой дурак – Самуил, который пялил её в малышку десять минут, а остальные полчаса рвал её анус, он ведь, на полном серьёзе, предложил стать его женой. Урод. Наташка передёрнула плечами. Ежедневно он будет трахать её в анус – да она умрет на третьи сутки от такой супружеской жизни. И Карлос ублюдок – владелец бара. Он не предупредил Наташку, что русский мужик извращенец и больше любит вставлять в анус, чем куда положено. Этот русский, видимо, и мальчиков не пропускал. Козёл старый.

Натёртый анус горел, словно туда зарядили тубик соуса чили. Наташка утопила педаль тормоза. Повеситься от такой жизни, больше нечего – все мужики козлы. Говорят, что любят, а потом лапают за сиськи, трахают и лучше не думать, что вытворяют, особенно пьяные. Сплошные ублюдки! Что американцы, что латиносы, что русские. Ещё Карлос соби-

рался дать ей только сто пятьдесят баксов. Наташка возмутилась его наглой ухмылке.

–Двести, Карлос! Не меньше! Ты не предупредил меня, что русский полезет в мой анус!

–Он драл тебя в попу?

Ублюдок. Наташка еле сдержалась, чтобы не влечь Карлосу пощечину.

Карлос достал из нагрудного кармана рубахи сотню, потом ещё пятьдесят.

–Если Антон узнает о твоём промысле... – заговорил он, посмеиваясь.

–Он отрежет тебе яйца и заставит их съесть, – закончила Наташка, вырвала из руки Карлоса сотню, потом влезла в его карман и достала вторую. – Двести! Даже этого мало!

–Га-гха. Так, может, порадуешь моего иноходца? – Карлос нагло заиграл глазами и добавил доверительно:

–Получишь ещё сотню.

Наташка презрительно показала ему палец.

–Пошел ... ! Я не шлюха!

–Русскому ты дала!

–Он обещал на мне жениться.

–Га-кха-мха-га-а.

Наташка тоже засмеялась вслед за Карлосом. Пряча деньги себе между грудей, торчащих упругими шарами в вырезе блузки, добавила.

–Он богач.

–А я? У меня есть бар!

–Засунь свой бар себе ...

Карлос возмутился.

–Как ты разговариваешь с боссом? Ты работаешь на меня!

–Карлос, здесь все работают на Антона.

Наташка надавила на педаль газа – машина тронулась с места, быстро набрала скорость. Да, в этих местах все работают на Антона и его банду. Может, действительно, согласиться на предложение русского? Он обещал завтра снова найти Наташку, обещал подарить колечко. Она возьмёт кольцо и уедет с русским навсегда из этой дыры.

Надо только узнать, куда русский хочет увезти её. Если в Россию, то нет – там холодно, там медведи и мафия. А Наташку от мафии и гангстеров уже воротит. Она сбежит и от русского. Да, надо бежать, бежать отсюда. Как было бы здорово уехать с тем красивым парнем с заправки! Как в романтическом фильме – они угоняют машину, грабят гангстерскую кассу и сбегают с деньгами, потом живут счастливо, в своё удовольствие. Занимаются любовью. Не трахаются, а именно занимаются любовью.

Через десять миль был пограничный пост. Будка американской таможни, белая разделительная полоса на дороге и дощатый сарай, где пила текилу мексиканская пограничная стража. Там начиналась Мексика. На высоком шесту пыльный ветер трепал красно-бело-зелёный флаг с гербом. И если американцы проверяли водительские права выезжающих,

то мексиканцы просто махали рукой – проезжай.

Наташка вздохнула. Было бы здорово сейчас ехать не останавливаясь, пересечь пограничную линию, показать идиоту Антону палец, так же, как она показала Карлосу – пошел ты ... Наташка усмехнулась, но покорно нажала на тормоз перед развилкой и свернула на каменистую дорогу к ранчо Стефания.

Это только так говорилось – ранчо Стефания. На самом деле здесь стояли на фундаментах несколько больших автофургонов, уже подёрнутых ржавчиной и жил сторож – сорокалетний, не бритый мексиканец Альфредо. По большому счёту, брать здесь было нечего, но иногда из Мексики сюда переправляли контрабанду и товар прятали в фургонах, пока за ним не прибывал курьер Антона. О ранчо Стефания знали пограничники, знал шериф Ларкинс, но все они были в доле с Антоном. Наташка снова усмехнулась – здесь везде Антон. Все ему платят, а он платит власти, чтобы эта власть покрывала его беспредел.

Сегодня вечером, сразу после тяжелого секса с русским кабаном, Наташке на сотовый позвонил Антон, и велел ехать сюда, на ранчо Стефания.

Наташка затормозила у фургонов, заглушила двигатель, вынула ключ. Только бы не заставил трахаться. Сейчас о сексе она не могла думать. Она подбросила на ладони ключи от машины. А чтобы она сказала, если бы тот красавчик с заправки сделал ей очень непристойное предложение, прямо

сейчас, здесь, среди фургонов? О-ля-ля.

Наташка вышла из своего рыдвана. Под ногами хрустели острые камни. Она направилась к дальнему фургону, у которого стояли два «мерседеса» Антона. Сторож Альфредо, возникший из-за угла, загадочно ухмыльнулся, закурил, ничего не сказав. Чтобы это значило? В её визиты сюда, он любил с ней перекинуться словечком.

Из фургона вышли два дуболома, сели в машину.

Наташка возмутилась. Что с ними? словно она пустое место! Уже совсем ни во что её не ставят!

Вдруг её озарила мысль – может, Антону каким-то образом стало известно о её подвиге с русским? У Наташки похолодело в груди. Дура, польстилась на две сотни баксов, и теперь умрёт!

Немея от страха, она поднялась по ступенькам и вошла внутрь фургона.

Антон сидел за чистым столом. В его глазах искрился гнев. Его дуболомы сидели перед телевизором в маленькой комнатке за перегородкой.

–Приехала?

Как же он всё-таки узнал? Наташка старалась быть спокойной.

–Как видишь.

–Ты е...ась с туристом!

–С ума сошел! – Наташка покраснела, но Антон вдруг расслабился – он принял этот румянец стыда за всплеск правед-

ного негодования. – Ты достал меня своей ревностью! Если мне не веришь, спроси у Карлоса!

–Вы заодно с Карлосом. Когда-нибудь я поймаю вас и убью обоих.

–Тебя так волнует моя верность тебе? Тогда, забери меня из стриптиза, где я верчу задницей перед пьяными убудючками! – Наташка поняла, что Антон просто дурил, и о русском ничего не знал, потому надо было давить на него до конца, чтобы последние подозрения рассеялись в его мозгах.

–Я не желаю лишать тебя твоей свободы. Ты делаешь, что хочешь и живёшь, как хочешь. И зарабатываешь сама, а не смотришь кому-то в рот. Даже мне.

Наташка, кривя губы, отвернула голову – хренов демагог. Денег ему просто жалко, чтобы содержать её нормально, как любовницу. Свобода! Не хочу ограничивать! А сам аж вспотел, узнав, что она может ублажить заезжего мужика. Всё его жадность.

Она обернулась к Антону. Тот нервно постукивал пальцами, размышляя.

–Он делал мне предложение.

–Кто? – очнулся от мыслей Антон.

–Русский турист. Его зовут Самуил.

–Пьяный дурак! – Антон раздраженно вскочил из-за стола, подошел к Наташке вплотную, сжал её голые плечи – она была в обтягивающей блузке без рукавов.

–Я выбую из него эту дурь! Разве он не узнал, что ты моя

подружка?

Наташка промолчала, отстранилась. Старый всё-таки Антон, хоть и молодится. И мочей воняет. Наверное, уже хватанул недержание и ссытся по ночам. Она хмыкнула. Кто стирает его ссатьё? Наверное, ублюдок Дино, небритый толстяк с пухлыми губами и жалким испуганным взглядом.

– Может, не знает, а может, знает.

– Ты всё-таки спала с ним? – Антон сдавил её локоть, вновь наливаясь яростью.

Наташка дёрнула руку из его цепких пальцев.

– Сказала же – нет! Ты становишься смешон.

– Просто я люблю тебя.

– Тогда женись на мне.

– На тебе? – лицо Антона выразило глубочайшее презрение, но вдруг он понял, что совершил глупость – Наташка, оскорблённая, поджав губы, отошла к стене.

Антон выручил звонок сотового. Он нервно дернул из кармана брюк мобильник и прижал его к уху.

– Слушаю. Да. Да! Я давно уже жду!

Разговаривая, он вышел на улицу.

Наташка присела за стол, устало облокотилась об него – как её всё это достало по крупному. Нет, надо бежать, бежать отсюда, и как можно дальше!

<<>>>>>>>>

Самуил со своей бандой приехал в Пасифик-Сити на следующее утро. Ради этого пришлось покинуть отель ни свет, ни заря. Довольный таксист скалил белые зубы – повезло ему с русскими туристами, ничего не скажешь – катаются туда-сюда из Лос-Анджелеса в Пасифик, не торгуясь, платят бешенную зелень за доставку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.